

Ник.Вулкер

ПОД СНЕГОМ
ТЕМНО

18+

Ник. Вулкер
Под снегом темно

«Автор»

2021

Вулкер Н.

Под снегом темно / Н. Вулкер — «Автор», 2021

Очень странных и опасных людей встречает Майк, герой повести “Под снегом темно”, в занесенном снегом отеле “Неоновый свет”. Сплошные тайны и загадки кругом. Всего за одну ночь в отеле становится на пять постояльцев меньше. Кто на самом деле виноват в их гибели? Кого на самом деле нашли в подтаявшем снегу в километре от отеля? На эти вопросы предстоит ответить следователю Дэну, который заново берется за расследование убийств в отеле “Неоновый свет”, с ужасом понимая, что два месяца назад, спешно завершив расследование, упустил настоящего монстра, продолжающего творить свои страшные дела. В книгу так же вошла фантастическая повесть “Раскаленные улицы” и несколько детективных рассказов с иронично-философским подтекстом.

© Вулкер Н., 2021

© Автор, 2021

Ник. Вулкер

Под снегом темно

Под снегом темно

1. Отель «Неоновый свет»

Никогда не знаешь, что ждет тебя в следующее мгновение. Иногда кажется – все прекрасно, ты в полном порядке. И тут, хлоп, ты просыпаешься. Какое-то время ты даже не понимаешь кто ты. Потом начинаешь осознавать, что все не так прекрасно. Что вокруг холодно и темно. И сыро. Очень сыро. И скрип. Какой-то скрип из темноты. Что? Да ладно! Это не скрип? Это голос? Но откуда здесь голос?! Ах да, Сид... Это старик Сид опять скрипит из темноты.

Темнота. И сырость. Как на дне колодца. С другой стороны, как известно, когда ты на самом дне, у тебя есть только один путь – вверх. Осведомленные люди говорят, что дно – это только начало. Начало прекрасных перемен. Что ж, проверим.

Итак, твой выход, Сид. Удиви меня, старик.

*

– Ну, что там? – проскрипел Сид – мой сосед по купе, преклонного возраста отставной военный, следовавший в Аспервильд к сыну на праздники. Он не стал выходить из поезда, полностью доверив мне “разведку ситуации” и “оценку обстановки”.

– Там ничего хорошего, Сид. – Я рассказал ему все, что смог узнать.

С одной стороны, то, что случилось, было похоже на чудо – поезд остановился в метре от снежного завала, сошедшего со скалы. С другой стороны, ситуация выглядела удручающе – поезд не мог двигаться дальше, и никто не знал, когда расчистят пути.

– Перед поездом целая гора снега. Вполне возможно, Новый Год мы встретим здесь, в этом купе. А ведь я целый год мечтал, как в ночь с 31-го на 1-е буду скользить на лыжах по склонам Аспервильда с бутылкой шампанского в руке, – сокрушался я.

– Ну и мечта, – проскрипел Сид, подавив смешок.

– Мечту о карьерном росте я отложил на начало следующего года. Так что, да, Сид, для меня это была мечта. Мечта текущего года. Разве можно смеяться над мечтой? Как вам не стыдно?

– Как ты мог подумать, что я смеюсь?! – крикнул Сид, если можно назвать криком этот его скрип. – Никто и собирался смеяться! Я закашлялся, вот тебе и почудился смех.

– Я верю вам, Сид, – примирительно улыбнулся я. – Но что же мне делать с моей мечтой? Я в легкой панике, если честно...

– Смирно! Паника на передовой?! Знаешь, что делают с паникерами на передовой?

– Догадываюсь, – усмехнулся я. – Но это, Сид, не паника. Это констатация факта. На пути у поезда – гора снега, справа – скала, слева – пропасть. А Новый Год уже через день. Ситуация безвыходная. Или у вас есть другие соображения на этот счет?

– Вольно, – скрипнул Сид, нахмутив седые кустистые брови. – Послушай-ка меня, солдат. Безвыходных ситуаций не бывает. В этом я убедился ровно сорок лет назад. Я и десять моих сослуживцев были заброшены в одну очень горячую точку, чтобы выполнить одну очень секретную задачу, настолько секретную, что материалы об этой операции до сих пор находятся под грифом «совершенно секретно», и я не смогу открыть тебе всех ее деталей. Да и суть не в этом. Скажу только, что нашей задачей было устранение одного очень опасного для нашей страны

человека. Мы должны были высадиться в нескольких километрах от его резиденции, незаметно пробраться в его неприступный замок, ликвидировать его, а потом в условленное время вернуться к месту высадки, куда за нами должны были прислать вертолет. Короче говоря, в то, что мы вернемся на Родину, не верил никто, включая нас самих.

– Сид, не кажется ли вам, что предисловие слишком затянулось? – спросил я.

– Еще пару слов, чтобы ты видел ситуацию в целом. В общем, случилось чудо – нам удалось ликвидировать врага, а двум из нас даже удалось выжить.

– И один из этих двух – вы, Сид?

– Вероятно, логика – твое второе имя, Майк. Как ты смог это понять? – в этот раз Сид не смог сдержаться и рассмеялся. Его смех был похож на скрип старой калитки, которую то закрывали, то открывали.

– Как вы думаете, Сид, уместны ли такие шутки в той ситуации, в которой вы... в которой мы сейчас находимся? – поинтересовался я.

– Думаю, что неуместны, – сказал Сид. – Но я не смог сдержаться. Простите. Мне продолжать, или мне конец?

– Конечно, Сид, продолжать, – сказал я. – Давайте вместе посмеемся над вашей шуткой, и можете продолжать. Ха-ха-ха. Вместе, Сид!

– Кха-кха-кха, – заскрипела калитка.

– Прекрасно, Сид. Я весь во внимании.

– Итак, отходили мы вдвоем – я и мой раненный, истекающий кровью товарищ. Его ранили в грудь, но пуля прошла навылет, чудом не задев сердце и крупные сосуды. Парень родился в рубашке. Мы не смогли вырваться за пределы замка, и пробились на кухню, откуда был единственный путь – в подвал. Это был тупик, но, в то же время, и шанс пожить еще какое-то время. Пока у нас были патроны, мы были в безопасности. Там была одна дверь, и мы ее контролировали полностью. Каждый, кто пытался сунуться, получал пулю. До сих пор не пойму, почему они не забросали подвал гранатами, возможно, они хотели взять нас живьем, чтобы выяснить, кто отправил нас устранить их босса. Я перевязал товарища, мне удалось остановить кровотечение. Так, периодически посылая пулю за пулей в дверь, едва там появлялось какое-то движение, мы ждали своего конца, условившись, что, когда у нас останутся два патрона, мы пристрелим друг друга, чтобы не попасть в плен. Я нашел на полках шикарное домашнее вино в кувшинах, в холодильниках нашлась ветчина и сыр. С такими припасами наша блокада превратилась в приятную вечеринку, с увлекательной стрельбой в движущиеся мишени, периодически мелькающие в дверном проеме. Мы пили вино прямо из кувшинов, рассказывали друг другу анекдоты и громко смеялись. У нас оставалось по последней обойме, когда моему товарищу вдруг пришла в голову идея поискать в подвале потайной ход. Ведь в таком древнем замке обязательно должны быть потайные ходы – предположил мой товарищ – почему бы потайному ходу не найтись и в этом подвале? Возможно, это была всего лишь его пьяная шутка, но я, тоже будучи изрядно пьян, отдал ему свой пистолет, а сам, вооружившись фонариком и кувшином с вином, стал обследовать стены подвала.

– Судя по тому, Сид, что я сейчас с вами разговариваю, вы все-таки нашли потайной ход? – предположил я.

– Шутить нельзя? – спросил Сид.

– Нет, не искушайте судьбу, – сказал я. – Лучше продолжайте свой рассказ.

– Отодвинув один из холодильников, я обнаружил, что кладка за ним заметно отличается от остальной. Это был прямоугольник в человеческий рост, выложенный современным красным кирпичом, тогда как остальные стены, как и весь замок, были построены из серых обточенных камней. Мне понадобилось всего несколько минут, чтобы схватить лавку и разломать к чертям эту кирпичную перегородку, за которой оказался узкий и длинный тоннель. Мы протиснулись в него, а я изнутри придвинул холодильник на прежнее место, полностью скрыв

проем. Мы шли и шли по этому тоннелю в неизвестность. Мы не знали, что нас ждет в конце – тупик и гибель, или выход и спасение.

– А ваше второе имя, случайно, не Дюма? – спросил я.

– А-а-а, – проскрипел Сид. – Значит, тебе шутить можно?

– Мне можно, – сказал я. – Таков расклад сил на данный момент. Продолжайте, Сид.

– Где-то через сто пятьдесят метров тоннель закончился тупиком, но вверху мы увидели круглую железную крышку люка, как от канализации. К ней вела лестница – железные скобы, торчащие прямо из стены. Сначала по лестнице поднялся я. Отодвинув крышку, я осторожно выглянул наружу и увидел вокруг деревья... и все. Мы вылезли в лесу, Майк. Вылезли и рванули как ошпаренные, пока враги не обнаружили, что мы умудрились сбежать из подвала. Мы даже успели к вертолету, который ждал нас в условном месте. Вот так, Майк. Поэтому, когда я слышу про безвыходные ситуации, я вспоминаю эту историю сорокалетней давности, и говорю – не бывает безвыходных ситуаций. Надо просто хорошенько поискать выход!

– Или тоннель, – сказал я.

– Шутить по-прежнему нельзя? – уточнил Сид.

– По-прежнему нельзя, – подтвердил я.

– Тогда да, надо хорошенько поискать тоннель, – сказал Сид.

*

Воодушевленный подвигом старика Сида, я на полчаса засел в интернете, изучая карту местности.

– Хм... Совсем недалеко от нас проходит автомобильная дорога, ведущая до самого Аспервильда, – доложил я Сиду результаты своих исследований. – Там же, у дороги, есть отель «Неоновый свет». Добравшись до дороги, я смог бы вызвать такси. А если там не будет связи, то дойду до отеля, там-то уж я точно вызову такси.

– И? – скрипнул Сид.

– Есть одна небольшая проблема – между нами и дорогой, ведущей в Аспервильд, вот это, – я раздвинул занавески с вышивкой «Быстрая стрела» и постучал по окну, за которым до самых небес возвышалась отвесная скала.

– Там скала? – уточнил Сид.

– Именно. Если бы не эта скала, я в два счета сначала добрался бы до дороги и отеля «Неоновый свет», а потом – на такси – и до Аспервильда.

– Эти места мне хорошо знакомы, – сообщил Сид. – То, что я тебе сейчас скажу, в интернете не найдешь. А ну-ка, на всякий случай, покажи мне карту местности.

Я увеличил карту на экране смартфона, показав Сиду наше местоположение. Сид нацепил на нос очки и несколько минут водил по экрану пальцем, пытаясь что-то найти.

– Я так и думал, – заявил наконец он. – Здесь этого нет.

– Чего “этого” здесь нет? – поинтересовался я.

– Когда-то, в позапрошлом веке, в этих местах добывали железную руду, примерно в полукилометре от нас, – Сид сдвинул карту вперед, по ходу железнодорожных путей, и ткнул крючковатым пальцем в середину пологого поворота, огибающего выступ в скале. – И вот именно здесь есть... как ты думаешь, Майк, что здесь есть?

– Неужели тоннель? – пошутил я.

– Смеешься... Не думаешь ли ты, что старик Сид выжил из ума? – спросил Сид, прищурившись. – И что ему повсюду мерещатся тоннели?

– Что вы, Сид! – воскликнул я.

– Мне показалось, что ты смеешься надо мной, – пристально наблюдая за мной, сказал Сид.

– Вам показалось, Сид, – сказал я. – Так что там есть, в скале?

– Теперь я в замешательстве, – проскрипел Сид. – Когда я скажу тебе, что именно там есть, ты действительно можешь подумать, что старик Сид выжил из ума.

– Можем сделать так, – предложил я. – Не вы, а я скажу, что там есть, чтобы ни у кого не возникло желания обвинить вас, что вы выжили из ума.

– Идеальный план, – согласился Сид. – Итак, что же там есть, прямо перед нами, в скале?

– Тоннель! – торжественно объявил я. – А что еще может быть в скале, учитывая тот факт, что мне нужно попасть в отель «Неоновый свет», находящийся по ту сторону скалы?!

– Довольно убедительно, – согласился Сид. – Итак, там действительно есть тоннель. Тоннель, по которому руду подвозили к железной дороге. Этот тоннель насквозь пронизывает скалу и выходит к автодороге, по которой ты спокойно сможешь добраться до отеля “Неоновый свет” – там не больше километра. Если ты не будешь терять время, и отправишься прямо сейчас, то доберешься до дороги и отеля еще засветло. Там ты вызовешь такси, и совсем скоро окажешься в Аспервильде.

– Этот тоннель точно существует? – я с сомнением рассматривал карту, на которой не было никакого упоминания о тоннеле. Если честно, мне не очень хотелось идти в одиночку по заброшенному тоннелю, но я не мог сказать об этом старому вояке Сиду, когда-то рисковавшему своей жизнью ради моей страны и ради моей шкуры.

– Не сомневайся, он существует, – сказал Сид. – Эх, я бы тоже отправился с тобой. Но куда мне, ведь я связан по рукам и ногам... Черт... Не то... СЛОВНО связан по рукам и ногам, так ведь надо говорить?

– Все верно, Сид.

– Всему виной мои больные суставы, из-за которых я СЛОВНО связан по рукам и ногам. Пойми, ты ничего не теряешь. Если тоннель давно засыпали, ты просто вернешься к поезду, и будешь вместе со всеми ждать, пока расчистят пути.

– Конечно, Сид, – промямлил я, лихорадочно пытаюсь найти хоть одну причину, чтобы остаться здесь, и кляня себя за то, что рассказал Сиду про дорогу и отель “Неоновый свет”. – Я ничего не теряю. Ведь мне нечего терять.

*

С рюкзаком на спине и зачехленными лыжами на плече я перебрался через снежный завал и побрел по рельсам. Старый вояка Сид оказался прав. Десять минут энергичной ходьбы, и вот он – вход в тоннель. Я надеялся, что массивные деревянные двери, закрывавшие вход, будут заперты на тяжелый ржавый замок, который я не смогу открыть, и поэтому с чистой совестью вернусь к поезду. Но нет, замка на дверях не было вообще, и я, немного притоптав снег, легко открыл тяжелые двери. Поплевав через левое плечо, я включил фонарик и шагнул в тоннель.

Далекий полукруг входа, как символ хоть какой-то связи с внешним миром, некоторое время еще светился позади, когда я оборачивался, но потом, когда тоннель сделал длинный поворот вправо, исчез. Потеряв его из вида, я рефлекторно ускорил шаг. Меня вдруг охватил страх. Мне стало казаться, что я здесь не один. Мне то чудились какие-то звуки, похожие на невнятные голоса, то виделись какие-то неясные тени впереди. Я остановился, снял с плеча чехол, и прижался спиной к стене, вслушиваясь в звенящую тишину и всматриваясь вперед, насколько позволял свет от фонарика. Мне вдруг захотелось сломя голову броситься обратно к поезду, в теплое купе спального вагона. Выпить горячего чая и уснуть с наушниками на голове. Но тут я подумал... я даже явственно увидел, как старик Сид, увидев меня в дверях купе, презрительно скажет: “что, спекся, Майк?”, и, невнятно проскрипев “как девчонка”, повернется к стенке, закроет глаза, и до самого Аспервильда не промолвит больше ни слова.

– Старый дурак, – промолвил я, и, подхватив чехол с лыжами, устремился вперед.

Вскоре мне стали попадаться заколоченные досками боковые входы. От них веяло затхлым запахом, когда я проходил мимо них. Я предположил, что это входы в штольни, в которых когда-то добывали руду. Я шел уже около получаса, когда, проходя мимо очередного заколоченного толстыми досками входа в штольню, услышал тихий металлический стук. Я направил туда фонарик. Похолодев от ужаса, я увидел в щели между косо прибитыми досками два круглых желтых пятна. Словно огромный кот наблюдал за мной из глубины древней штольни. Не в силах сдвинуться с места, я смотрел, как эти два желтых пятна под аккомпанемент негромкого металлического перестука медленно приближались к доскам с той стороны. Подрагивая от противного мелкого озноба, овладевшего моим телом, я вскоре увидел, кому принадлежали эти два желтых глаза.

Я увидел два огромных шара – один, белый, где-то с метр в диаметре, стоял на красном, который был вдвое больше белого. На верхний шар был надет красный вязаный колпак с грязно-серым помпоном на верхушке. Из-под колпака торчали паклей серые клочья волос, под ними виднелись два круглых черных глаза с желтыми зрачками – они-то и отражали свет моего фонарика. В месте, где должен быть нос, торчала неестественных размеров морковь, с полуметр длиной. Под ним был рот – полукруглая улыбка-нить, с «галочками» на концах. Между верхним и нижним шарами был небрежно наброшен вязаный шарф, такого же красного цвета, как и колпак, да с двух сторон торчали «руки» – толстые засохшие ветки. Нижний шар был жестяной, с дырками по периметру, в виде замочных скважин. Внутри виднелись несколько железных шаров, перестукиваясь, они и издавали металлический звук.

Постепенно я стал успокаиваться. Я догадался, что этого снеговика, так похожего на елочную игрушку из моего детства, который сейчас чуть было не довел меня до инфаркта, оставили здесь люди, когда-то трудившиеся на рудниках, чтобы подшутить над чудаками, случайно оказавшимися в этом заброшенном тоннеле – идиотами, вроде меня.

– Ну что же, у вас получилось меня напугать!

Посмеиваясь над собой, я бросил на пол чехол с лыжами, и подошел поближе, чтобы получше рассмотреть механическое чудо. Мне было интересно, каким образом эта огромная кукла подъехала к доскам.

– Вероятно, там какие-то рельсы, – я просунул руку с фонариком между досками, пытаюсь осветить пространство за снеговиком.

– Ма-а-айк, – тихо прошептал кто-то прямо над моей головой.

Мое сердце замерло, я медленно поднял фонарик, и увидел, что желтые зрачки снеговика смотрят сверху вниз прямо на меня, а нить-улыбка перевернута дугой вверх, из-за чего у снеговика теперь был очень недовольный вид. Судорожно вдохнув, я хотел было отскочить назад, но ветви-руки снеговика вдруг согнулись, мгновенно проникли в щели, обхватили меня с двух сторон, приподняли, и с силой прижали к доскам. Я попытался вырваться, всеми силами оттолкнувшись от досок руками и ногами, но руки снеговика оказались такими сильными, что я не смог сдвинуться даже на миллиметр. Я висел в метре от пола, а мое лицо было прижато к щели между досками, как раз напротив нити-рта. Нить начала раздваиваться. Между нитями сначала была черная пустота, потом, когда полость стала больше, появились желтые гнилые зубы.

– Боишься меня, Майк? – спросил меня снеговик.

От гнилостной вони, исходившей изо его рта, мне стало дурно. Теперь мне уже не нужно было ничего, только бы не чувствовать этот омерзительный запах. Мне даже было неважно, откуда эта злобная механическая кукла знает мое имя.

– Да, – сказал я, несколько раз поморгав, надеясь, что все это вдруг исчезнет, словно сон, и я снова окажусь в двухместном купе экспресса “Быстрая стрела”, и передо мной будет не снеговик, так похожий на елочную игрушку из моего детства, а старый вояка Сид, рассказывающий очередную байку про то, как он спасал мир.

– Очень боишься? – спросил снеговик.

Я почувствовал, что руки-ветви еще сильнее прижали меня к доскам.

– Очень, – признался я, поморщившись от боли и вони.

– Ты узнал меня? – спросил снеговик.

– Кажется, да, – сказал я. – Ты – елочная игрушка?

– Хорошая память. Давай вспомним кое-что еще. Помнишь, что ты сделал с Диззи той зимой?

Я снова уперся ногами в доски, пытаюсь вырваться. В ответ мне под воротник куртки пролезла тонкая холодная веточка – палец снеговика. Несколько раз обернувшись вокруг, палец легонько сдавил мое горло. Я тут же оставил свои попытки вырваться. Палец еще раз сдавил мое горло, а потом уполз обратно. Рот снеговика вытянулся в довольной улыбке.

– Как ты думаешь, почему мы встретились? – поинтересовался снеговик.

– Чтобы я в очередной раз вспомнил, что я сделал той зимой, и мне в очередной раз стало мерзко на душе от своего поступка.

– Как и в детстве думаешь только о себе. Эгоист, – снеговик презрительно скривил нить рта. – Нет, Майк, ты ошибаешься. Мы встретились не для того, чтобы потревожить твою раненую душу. Мы встретились вот для чего. Я сделаю с тобой то же самое, что ты сделал с Диззи той зимой, и свидетелем чего я поневоле стал. Я тебя задушю.

– Какого черта?! – заорал я, извиваясь всем телом в крепких объятиях снеговика. – Какого черта?! Что здесь происходит?! Где я?! Ты не мог быть свидетелем чего-либо! Ты был елочной игрушкой! Ты просто болтался на елке!

– Все это время, – не обращая внимания на мою истерику, спокойно продолжал снеговик, – меня мучил один вопрос. Нет, не зачем ты это сделал, нет. Другой вопрос. Что ты чувствовал, когда делал это? Вот такой вопрос мучил меня все это время.

Поняв, что вырваться не удастся, я безвольно повис, закрыв глаза. Я вдруг отчетливо вспомнил тот вечер... Это было второе января. Мне было восемь, и у меня были каникулы. Родители ушли в гости, а я остался один. Я валялся на диване и смотрел мультфильмы, а с моей рукой играла такса Диззи, подаренная мне на день рождения. Совсем еще щенок, веселая, неутомная собачка.

– На меня вдруг что-то нашло, – тихо проговорил я, открыв глаза и взглянув в желтые зрачки снеговика. – Какой-то приступ, вероятно. Мне захотелось сделать ей больно. Я приподнялся и довольно сильно ударил Диззи по голове кулаком. Она отскочила, удивленно глядя на меня. Еще никто в жизни не делал ей больно. Тут же забыв о случившемся, она снова подбе-

жала ко мне, призывая продолжить игру. Я вдруг подумал, что, какая же она дура, раз снова подбежала ко мне. Ей надо было убежать в другую комнату, чтобы переждать мой приступ. Ненависть к ее глупости переполняла меня. Я взял поводок и обмотал его вокруг шеи Диззи. Я с силой затянул поводок, и все время, пока Диззи билась, пытаюсь вырваться, кричал – “Ну почему же ты такая глупая?! Ну почему ты не ушла?! Сдохни теперь от своей собственной глупости!”. Потом я положил ее в пакет и отнес в парк, закопав в снегу. Родителям я сказал, что Диззи сорвалась с поводка во время прогулки, и я не смог ее догнать. Мы всей семьей искали ее несколько дней, развешивали объявления на домах...

– Ты тоже искал? – удивленно спросил снеговик.

– Да, искал, – кивнул я, отведя взгляд и тщательно подбирая слова для ответа. – Вероятно, моя неокрепшая детская психика стерла в памяти то, что я сделал с Диззи. Я поверил в свою же легенду, что Диззи просто сбежала, и теперь искал ее вместе со всеми.

Возникла пауза. Я молчал, выжидая реакцию снеговика на свой рассказ. Снеговик тоже молчал. Я не выдержал и поднял голову. Оказывается, все это время снеговик пристально наблюдал за моим лицом.

– Так значит, у тебя был аффект, и твоя “неокрепшая детская психика” стерла все, что ты сделал с Диззи? – переспросил снеговик тоном, по которому было понятно, что он не поверил ни одному моему слову. – Майк, тому, что произошло, были свидетели. Ты сделал это хладнокровно и осознанно. Ни о какой неокрепшей детской психике и речи быть не может!

– Да никаких свидетелей не было! – закричал я, извиваясь в крепких руках снеговика. Мне удалось освободить правую руку и засунуть ее в карман. – Я был дома один! А ты был елочной игрушкой! Ты неодушевленный предмет!

– Какая разница, кто отомстит за Диззи? Очень часто кармические долги возвращаются именно неодушевленными предметами. Молния, автокатастрофа, кирпич на голову, и так далее. В твоём случае – елочная игрушка. Мне кажется, очень даже неплохой вариант. Гораздо лучше, чем кирпич на голову. Просто мы такого не видались на своем веку. И теперь нам необходимо выпустить пар. Люди думают, что наш удел – безвольно висеть на ветках. Так вот, они очень сильно заблуждаются! Теперь висеть будут те, кто вешал нас!

Под мой воротник снова прополз холодный палец снеговика. Он несколько раз обвил мою шею.

– Ты обычный снеговик, – прохрипел я, чувствуя, как палец все сильнее сжимает мое горло. – Снеговика не могут вершить карму. Они очень глупые, потому что вместо мозгов у них обычный снег. Замерзшая вода.

Задыхаясь, я вытащил из кармана бензиновую зажигалку, зажег ее и бросил, пытаюсь попасть в отверстие в нижнем шаре снеговика. Кажется, мне это удалось, потому что, уже теряя сознание от удушья, я увидел, что внутри шара вспыхнула какая-то труха. Верхний шар снеговика начал таять. Отвалились глаза-угольки и нос-морковь, съехал набок огромный вязаный колпак. Руки снеговика стали слабеть. Он уже не мог меня душить, просто какое-то время держал на весу, но это давалось ему с большим трудом – руки-ветки почти полностью вылезли из тающего снежного шара. Еще пара минут, и я упал на холодный пол. Я отполз к противоположной стене и, потирая шею, смотрел, как растекается грязной лужей снеговик, чуть не убивший меня несколько минут назад. Меня разобрал истерический смех:

– Елочная игрушка хотела меня убить! Тупая елочная игрушка хотела меня убить!

– Убить... убить... убить..., – эхом разносилось по тоннелю. – Убить... убить... убить...
*

Подхватив чехол с лыжами, я бросился бежать. Я бежал мимо заколоченных досками входов в штольни, боясь даже взглянуть на них. Вскоре я добежал до выхода из тоннеля. Там были старые деревянные двери, которые я без труда вышиб плечом. Я пулей вылетел наружу и только тогда остановился. Просто я не мог больше бежать – я по пояс увяз в снегу. Я огляделся по сторонам. Шел сильный снег. Я стоял у подножья скалы, а немного ниже, между соснами, виднелась заснеженная дорога, которая должна была привести меня в отель «Неоновый свет». Я выхватил смартфон, но связи здесь не было. Недолго думая, я надел лыжи и помчался вниз. Добравшись до дороги, я оглянулся. В скале зловещим оскалом чернел вход в тоннель, в котором я чуть было не отдал душу.

Я хотел бы забыть тот кошмар, который только что пережил, но этот кошмар тоже покинул черный тоннель, увязавшись за мной, ведь все мое тело еще болело после смертельной схватки со снеговиком.

Со снеговиком?! С елочной игрушкой из далекого детства, выросшей в сотни раз?! А может быть, это был сон? Может быть, я спал все это время? Мне хотелось кричать, плакать и смеяться одновременно. Я не понимал, что же со мной произошло в тоннеле. Нереальность произошедшего, но вполне реальные красные полосы на моей шее, которые я рассмотрел с помощью камеры смартфона, заставили меня взреветь во весь голос. Кто-то душил меня недавно! Но кто?!

Я глотнул коньяка из стальной фляги, и мне стало немного лучше. Потом сделал еще глоточек. Кошмар вроде бы отступал.

Я понимал сейчас самое главное – что я вышел из этой скалы, и что мне нужно добраться до отеля «Неоновый свет». Этого было вполне достаточно. Отель располагался справа, если встать спиной к скале – дорога туда шла под уклон. Это позволит мне просто скатиться к отелю на лыжах, наслаждаясь сказочными видами заснеженных гор. Еще глоток из фляги, и я совсем развеселился, вспомнив смешного снеговика, который пытался меня задушить.

Вероятно, кошмар махнул на меня рукой, и вернулся в тоннель, отпуская меня на все четыре стороны. А я закинул рюкзак за спину, и заскользил вниз по дороге. Совсем скоро я увидел отель – дорога впереди делала крутую петлю влево, и отель хорошо просматривался сверху, несмотря на усиливающийся снегопад. Отель представлял собой двухэтажную постройку в виде каре, с внутренним двориком. Сверху я успел увидеть во дворе отеля несколько автомобилей, припорошенных снегом, и один красный кабриолет.

Один красный кабриолет, совсем без снега на черной кожаной крыше. Вероятно, он припарковался там только что, раз на нем совсем нет снега. Иначе и не могло быть, раз на нем совсем нет снега...

Потом отель скрылся за рядком сосен на обочине, и тут мне пришлось нелегко – дорожная петля оказалась довольно крутой, и я чудом не упал. Удержав равновесие, и успешно завершив маневр, я уже через сотню метров вновь увидел отель, к нему от горной дороги вела узкая, аккуратно расчищенная дорожка.

Дорожка, которая привела меня к отелю от дороги, далее расходилась направо и налево, огибая весь отель с двух сторон, чтобы автомобили могли припарковаться во внутреннем дворике. Снимая лыжи у главного входа, я подумал, что здесь отличный персонал, раз в такой снегопад так хорошо расчищены дорожки вокруг отеля, ведь к тому моменту, как я подъехал к отелю, на улице разыгралась настоящая пурга.

И еще я подумал, насколько нелепо выглядит мое появление здесь без автомобиля. И если меня спросят, откуда я взялся, я не смогу внятно объяснить это, ведь я и сам не знаю, откуда я здесь взялся. Придется нажимать на версию с остановившимся поездом и тоннелем, пронизывающим всю скалу насквозь.

Интересно, они мне поверят? Е
сли не поверят, то старик Сид доскрипелся...

Я зачехлил лыжи, как смог стряхнул с одежды снег, и открыл тяжелую темно-зеленую дверь. Внутри было тепло и уютно. В левом углу горели дрова в камине, мигали гирлянды-свечки на пушистой сосне, справа стояли три толстых кожаных дивана и низкий дубовый столик в центре. За стойкой напротив входной двери сидела девушка. Была видна лишь ее голова и большие белые наушники на ней. Покачивающаяся в такт музыки девушка была так занята прослушиванием, что даже не заметила моего появления в отеле. Я подошел поближе и помахал рукой, пытаясь привлечь ее внимание. Увидев меня, девушка скинула наушники и встала. Я прочитал ее имя на бейдже, ее звали Мила.

– Извините, я вас не заметила, – удивленно разглядывая меня, сказала Мила. – Вы бронировали номер? Хотя, о чем я говорю, я же знаю, что на сегодня не было ни одной брони. Вы хотите у нас остановиться? Вы следуете в Аспервильд?

– Да, я следую в Аспервильд, но останавливаться у вас я не планировал, – я был загипнотизирован ее голубыми глазами. – Я хотел бы отогреться, перекусить, вызвать такси и добраться до Аспервильда уже сегодня.

– А-а-а, у вас сломалась машина, – сочувствующе покивала Мила.

– Нет, я добрался до вас на лыжах, – сказал я.

Мила запрокинула голову и заливисто засмеялась, приняв мои слова за шутку. Увидев, что я даже не улыбнулся, она посерьезнела:

– В самом деле?! Вы приехали сюда на лыжах?! Вы уверены, что приехали сюда на лыжах?

– Эх... эта моя честность, – сказал я. – Хотелось бы выглядеть в ваших красивых глазах героем, прикатившем сюда на лыжах, но, ладно, признаюсь, большую часть пути я провел в экспрессе «Быстрая стрела». Вы, наверное, уже видели в новостях, что произошло сегодня недалеко от вас, на железнодорожных путях? Слышали о сходе снежной лавины, преградившей путь поезду?

– Я полчаса назад смотрела новости, но там об этом ничего не говорили. А где это недалеко от нас проходят железнодорожные пути? – Мила подозрительно прищурилась. – Что-то я о них никогда не слышала. Ой, знаете, если не хотите говорить, никто вас к этому не принуждает. Лучше вообще ничего не говорить, чем говорить неправду. Там вы можете принять душ, а там – буфет. В буфете – Тэймор, он сделает вам сэндвич и нальет кофе. Вам вызывать такси?

– Мила, я говорю чистую правду... – Я мог бы не оправдываться, и просто отойти от стойки, но я почему-то стал, запинаясь, рассказывать ей про свои приключения, опустив, естественно, случай со снеговиком.

– Невероятно! – дослушав до конца, Мила сделала большие глаза и приложила ладошки к щекам. – Вы прошли сквозь скалу?! Я многое слышала, но такое слышу впервые. Если честно, я даже никогда не знала, что сквозь скалу проходит тоннель, по которому можно пойти до какой-то железной дороги. И как там, в тоннеле?

– Там темно, холодно и очень страшно, – признался я. – И сыро. Если бы не мой попутчик, старик Сид, я бы никогда не полез в тоннель, а спокойно дождался бы, пока расчистят пути.

– Видимо ваш старик Сид умеет мотивировать, – хихикнула Мила.

– А еще он тот еще шутник.

– Уважаете старость? – спросила Мила.

– Похоже на то, – признал я. – Раз я не убил Сиду за его шутки, и за его скрипучий голос. Хотя не факт. Может быть, я его все-таки убил. Просто не помню.

– Черный-черный юмор, – рассмеялась Мила. – Это то, что я люблю.

Я хотел сказать, что действительно не помню, убил ли я Сиду, или нет, но сдержался. Не хватало еще приехать в Аспервильд не на такси, а в полицейском автомобиле, и в наручниках.

*

Через двадцать минут я уже сидел в буфете у барной стойки в ожидании кофе и сэндвича. Пузатый, длинноносый, с зачесанными назад седыми волосами, в подтяжках поверх белоснежной рубашки, Тэймор, похожий одновременно и на пингвина, и на крысу, забросил хлеб в тостер, налил в большую чашку кофе из кофеварки, и хитро подмигнул, показывая взглядом на бутылку коньяка. Я тоже подмигнул и утвердительно кивнул. Тэймор плеснул коньяк в кофе и протянул мне чашку.

– Так-то будет веселее, – сказал он. – И теплее.

Я уже доедал свой сэндвич, когда в буфет пришла Мила.

– Из-за вьюги к нам не смогут отправить такси, – сообщила она. – Тэймор, плесни-ка и мне кофейку.

– Вам так же, как и мистеру Майку? – спросил Тэймор, показывая взглядом на бутылку коньяка.

– Три капли, Тэймор, не больше, – кивнула Мила.

– В общем, как обычно?

– Ладно, на каплю больше, чем обычно, ведь сегодня такая метель. Надо же как-то адаптироваться к выходкам окружающей среды. Коньяк неплохо справляется с метеочувствительностью.

– Лучшая адаптация к выходкам окружающей среды – не замечать их, – подняв указательный палец, промолвил Тэймор.

– Ну, тогда на две капли больше, чем обычно. Только так я перестану замечать выходки окружающей среды, – развела руками Мила.

– И что же мне теперь делать? – прервал я их милую беседу, напомнив о себе. – Как мне добраться в Аспервильд до наступления Нового Года?

– Есть два ответа на этот вопрос, – сказала Мила, подняв свою кружку, чтобы чокнуться со мной. Мы чокнулись и отпили по глотку. – Первый ответ – никак.

Тэймор прикрыл рот ладонью, сдержав смешок.

– Теперь второй. Вы встаете на лыжи, бодро взбираетесь вверх по горной дороге до вашего тоннеля, идете сквозь скалу в обратном направлении, садитесь в свой поезд, и ждете, пока расчистят снежный завал.

– И? – спросил я.

– И едете в Аспервильд, – развела руками Мила. – Может и успеете до Нового Года.

– А может и нет, – вставил словечко Тэймор.

– А может и нет, – подтвердила Мила.

– А, шутите, – догадался я. – То есть, я прибежал сюда, в этот отель, выпил с вами кофе с коньяком, и убежал обратно?

– Не самый плохой способ разнообразить скучную поездку в поезде, – заметил Тэймор. – Разве вы найдете в поезде такую компанию, как мы?

– Такую нигде не найдете, поверьте мне, – сказала Мила, гипнотически глядя мне в глаза.

– Это смешно вам, но не смешно мне, учитывая тот факт, что я весь год мечтал встретить Новый Год на склонах Аспервильда, – грустно сказал я, чувствуя, однако, что мне начинает нравиться идея остаться в этом отеле на ночь.

– Ладно, не унывайте, у вас есть ночь и день до наступления Нового Года, – сказала Мила.

– Возможно, вьюга скоро закончится, и такси сможет добраться до нас уже утром.

– А может и нет, – сказал я.

– А может и нет, – сказала Мила.

– А может и нет, – сказал Тэймор. – И тогда вы попробуете мой фирменный омлет на завтрак. Еще неизвестно, что лучше – встретить Новый Год на склоне Аспервильда, или мой фирменный омлет на завтрак. С зеленью, сыром и помидорами.

– Я-то точно знаю, что из этого лучше, – сказала Мила.

– Омлет? – спросил я.

– Как вы угадали? – рассмеялась Мила.

*

Перед тем, как оформить номер на сутки, мы с Милой еще раз обзвонили все ближайшие таксопарки. И везде услышали отказ – непогода не позволяла рисковать людьми и машинами.

– Кстати, – сказал я, смирившись с тем, что эту ночь мне придется провести в отеле «Неоновый свет». – Вы сегодня обмолвились, что одна ваша гостья, та, которая приехала незадолго до меня, на красном кабриолете с черной кожаной крышей, чем-то вас очень удивила. Если не секрет, что это за история? Чем она вас удивила?

– Разве я говорила вам про это? – удивилась Мила.

– Разве нет? – в свою очередь удивился я. – Тогда откуда я о ней знаю?

– Логично, – согласилась Мила, заполняя журнал. – Ой, эта леди... Она приехала к нам за пару часов до вас. Она приехала на красном кабриолете с открытым верхом, в летней одежде. И сообщила, что следует к морю. Зарегистрировалась, взяла ключи и проследовала в свой номер. Все.

– Все? – переспросил я.

– Разве этого мало?! Зимой, в снегопад, на кабриолете с открытым верхом! К тому же, Тэймор сказал, что у ее кабриолета летняя резина. И очень удивился, что она вообще смогла добраться до нас на такой резине. По его мнению, на такой резине можно проехать всего несколько метров – до первого дерева или обрыва.

– Значит, на красном кабриолете она ехала к морю? – переспросил я.

– Майк, да, к морю, – Мила вернула мне паспорт. – Так она сказала. Что-то не так? Вы изменились в лице.

– Возможно, я просто устал. Наверное, мне просто нужно полчаса вздремнуть, и тогда мое лицо снова станет прежним.

– Можете валяться до ужина. Сегодня Тэймор готовит какой-то сюрприз на ужин. Даже я не знаю, что это будет.

– В отеле много постояльцев? – поинтересовался я.

– Не очень. Вместе с вами одиннадцать человек. Вот ключ, он открывает обе двери в номере – основную и вторую, ведущую во двор.

Появился Гнут – низколобый малословный крепыш лет двадцати. Он пришел прямо с улицы и доложил Миле, что там снежный апокалипсис, и что лопатой он с этим ужасом не справится, и что чуть позже он заведет снегоуборочную машину. Гнут взглянул на жетон от моего ключа, взял мой рюкзак и чехол с лыжами, и направился к дверям, ведущим в левый коридор. Я последовал за ним. Мы шли по скрипящему деревянному полу, прикрытому

зеленой дорожкой, и над нами автоматически включались бледные желтые светильники. Когда мы остановились у двери с цифрой 10, Гнут вдруг повернулся ко мне и прошептал:

– Бегите отсюда. Хотя бы вы спасетесь. Мне никто не верит, все считают, что я сошел с ума. Не дожидаясь ночи, незаметно бегите, у одного из наших постояльцев в номере полным-полно...

Он не успел рассказать, что увидел в номере одного из постояльцев. В конце коридора показался человек. Это был Тэймор. Гнут замолчал, выхватил у меня ключ, и стал поспешно открывать дверь.

– Приятного времяпрепровождения в нашем отеле, мистер Майк, – улыбаясь, сказал Тэймор. – Давайте-ка я помогу вам занести вещи. А ты, Гнут, иди к Миле. Перегорели фонари у входа в отель. Мила не видит, что творится снаружи. Картинка с камер такая же черная, как тот обугленный стейк, который ты пытался приготовить себе позавчера. Помоги ей починить фонари.

– Наверное, их просто залепило снегом, – буркнул Гнут, опустив голову. – У нас тут все залепило снегом – фонари, камеры наблюдения...

– Вот и разберись, – сказал Тэймор, забирая у Гнута мои вещи.

– Я не смогу с этим разобраться, я чищу их от снега, но через минуту они снова в снегу. Снег летит под углом, там сильный ветер. Несколько минут на улице – и я становлюсь похожим на снеговика.

– На снеговика... – тихо повторил я.

– Видишь?! – взглянув на меня, строго сказал Тэймор. – Ты заставляешь нервничать нашего гостя! Просто походи к Миле и разберись с этим!

Что-то невнятно буркнув, Гнут ушел, а мы с Тэймором прошли в номер.

– Вы не волнуйтесь, Гнут у нас, конечно, немного того, но мирный, – сказал Тэймор, положив мои вещи. – И по хозяйству незаменим. Вот и терпим. Так часто бывает – человек или хороший работник, но немного того, или у него заоблачный IQ, но тогда исполнитель из него нулевой.

– Ну, в вас-то есть и то, и другое? – предположил я.

– Спасибо. Бывают, конечно, исключения, – склонив голову, сказал Тэймор. – Гнут не успел вам наговорить какой-нибудь ерунды?

– Нет, что вы, – солгал я, чтобы не выдавать трудяду Гнута. – Он у вас молчун.

– Вы не волнуйтесь. Он у нас не буйный.

– А кто у вас буйный? – в шутку поинтересовался я.

– Кто угодно, только не Гнут, – в той же манере ответил Тэймор, улыбаясь. – Гнут терпеливый и трудолюбивый мальчик. Но, хватит о Гнута. Невелика птица, чтобы о нем столько говорить. В семь часов жду вас на ужин в буфете. Это прозвучит нескромно, но вы будете приятно удивлены моей стряпнёй.

– Мила о вас высочайшего мнения, – сказал я, наблюдая, как на лице Тэймора появляется самодовольная улыбка.

– Все без исключения становятся моими поклонниками с первого же съеденного кусочка, – сказал Тэймор, выходя в коридор. – До встречи.

Закрыв за Тэймором дверь, я выключил свет, поставил смартфон на зарядку, и подошел к окну, за которым печально завывал ветер. Именно так – печально завывал, иначе и не ска-

жешь. Раздвинув тяжелые зеленые портьеры, полностью блокирующие дневной свет, я увидел внутренний дворик. С темнеющего неба сыпал, закручиваясь у земли в маленькие торнадо, густой снег. Полуметровым полотном снег накрыл землю и припаркованные во дворике автомобили постояльцев. Кроме... красного спортивного кабриолета с черным кожаным верхом. Кабриолет был чист, будто только что выехал из автомойки.

Распаковав рюкзак, я развесил вещи в шкафу, потом лег на широкую кровать, вооружившись пультом от телевизора. Переключая канал за каналом, я незаметно погрузился в сон.

Я проснулся от громкого стука. В номере было темновато, его освещал только экран телевизора. На часах было уже 18.30. Через полчаса мне нужно идти на ужин. Стук за окном повторился. Я выключил телевизор, подкрался к окну сбоку, и выглянул в щель между стеной и сдвинутой гармошкой портьеры. На улице все было по-прежнему – дворик, еле-еле освещаемый заснеженными фонарями, и огромные сугробы снега с очертаниями автомобилей. В нескольких окнах на первом этаже пробивался свет сквозь плотные портьеры.

И красный кабриолет.

Без единой снежинки на черной кожаной крыше.

Что-то неприятное, тошнотворное подкатывало к горлу при виде этого красного кабриолета. Но я почему-то не мог отвести от него взгляда. Снова послышался стук, будто кто-то бил по металлу. Я надел куртку, накинул на голову капюшон, приоткрыл дверь, ведущую во двор. И снова стук. Теперь я отчетливо слышал, что раздавался он из кабриолета. Пригнувшись, я подкрался к кабриолету. Я дотронулся до ручки водительской двери, и тут же одернул руку, такой горячей оказалась ручка. Я тронул двери, капот... Весь кабриолет был таким горячим, словно стоял он сейчас не в заснеженном дворике при температуре минус пять градусов по Цельсию, а под палящим солнцем... где-нибудь у моря.

Обе двери, и водительская, и пассажирская, были заперты. Резкий, громкий стук, раздавшийся в тот момент, когда я дергал ручку пассажирской двери, заставил меня замереть. Теперь понятно – стук раздавался из багажника. Я подскочил к багажнику, нажал на кнопку и отбежал в сторону. Крышка багажника медленно поднялась, но ничего не произошло. Возможно, тот, кто стучал, не может двигаться и бьет изнутри ногой – предположил я, собираясь духом. Я подкрался поближе и осторожно заглянул в черную пасть багажника. Ничего не увидев, я просунул туда руку. Пусто. Я почти полностью залез в багажник, исследуя его руками. В этот момент кто-то схватил меня за ноги, затолкал внутрь и захлопнул крышку багажника. Я даже крикнуть не успел. Да я бы и не смог закричать. Ведь я онемел от страха – я же точно знал, что за моей спиной никого не было!

Я прислушался. Снаружи было тихо, только завывания ветра и больше ничего. Черт меня дернул притащиться к этому кабриолету! Ну и что, что он похож на... тот красный кабриолет. Мало ли на свете таких же кабриолетов. Точно таких же кабриолетов...

В кромешной темноте я вдруг заметил еле заметное свечение, буквально точку света. Я изловчился, перевернулся и подполз вплотную к светящейся точке. Понятно, металл вокруг замка проржавел почти насквозь, и там образовалось отверстие. Я заглянул в отверстие и увидел окна и дверь своего номера. Я увидел, как в окнах моего номера зажегся свет, потом я увидел силуэт человека. Человек ходил по номеру, рылся в шкафу, где висели мои вещи. Я видел, как этот человек надевает на себя мои вещи. Потом свет в окнах погас.

Через несколько секунд дверь приоткрылась, и на улицу вышел человек, при виде которого я полностью потерял способность что-либо соображать. Я увидел... точную копию себя.

Озираясь по сторонам, он подошел к кабриолету, проверил, крепко ли закрыта крышка багажника. Потом я услышал, как он сел за руль. Несколько минут двигатель работал вхолостую, менялись частоты радио, наконец, когда водитель нашел какой-то медитативный

построк, кабриолет начал движение. В отверстие я видел, как отдаляются дверь и окна моего номера. Потом и весь отель остался позади. Выехав на горную дорогу, кабриолет, набирая скорость, покотился по заснеженной дороге, соскальзывая в занос на поворотах. Я хотел закричать, что на летних шинах нельзя ехать с такой скоростью, хотел закричать, чтобы меня выпустили, но не смог произнести ни слова – оказывается, мой рот был заклеен скотчем.

Мое лицо, мои ребра, мой живот болели так, словно их только что обработали бейсбольной битой. Кажется, мне выбили глаз, и кровь из глазницы стекала по лицу. Что-то билось по моему животу, вызывая нестерпимую боль, когда кабриолет заносило на поворотах, или он подпрыгивал на кочках. Я лежал в луже крови... Своей собственной крови... Содрал кожу с мясом, я выдернул правую руку из наручников. Воя от боли, я осторожно прикоснулся трясущейся рукой к животу, потом, все поняв, зачем-то стал осторожно вправлять выпавшие петли кишок обратно в живот. Кабриолет остановился.

Человек выключил радио, заглушил двигатель. Я услышал, что он перевел ручку передач, потом снял кабриолет с ручного тормоза. Вышел, открыл пассажирскую дверь, что-то достал, потом раздался звук льющейся жидкости, по запаху это был бензин. Забросил пустую канистру обратно в салон, захлопнул двери. Медленно обошел кабриолет, встал совсем рядом со мной, у багажника, чиркнул спичкой, поджег кабриолет. Стало нестерпимо жарко. Он ударил ногой в бампер. Кабриолет медленно покотился вперед, потом полетел вниз... Сейчас я погибну...

*

Весь в холодном поту, я очнулся от собственного крика. Мне приснилось, что меня подменили. Что я стал жертвой. Своей собственной жертвой. Это было жутко. Надо постараться поскорее забыть этот сон.

На часах 18.30, скоро надо идти на ужин. За окнами совсем стемнело, слышалось лишь завывание ветра и шуршание снега, когда ветер гнал его на стекло. Закрыв окна непроницаемой портьерой, и ни разу не взглянув в окно, чтобы снова не увидеть этот чертов красный кабриолет, я стал собираться на ужин.

В лобби было людно. Мила, с зажатой между плечом и ухом телефонной трубкой, что-то раздраженно говорила Гнуту. Гнут молчал, стоя перед Милой с опущенной головой. На диванах сидели постояльцы, они смотрели телевизор. Я подошел к диванам, отыскивая взглядом свободное место и пожелав всем доброго вечера. На одном диване сидела парочка, лет двадцати, – девушка и молодой человек в одинаковых темно-синих спортивных костюмах. Они разговаривали, когда я шел к диванам, но, увидев меня, переглянулись и замолчали. Вероятно, я им чем-то не понравился. Бывает. Без проблем. На втором диване разместилось семейство – мамаша и папаша с двумя детьми – подвижным мальчиком лет трех, и его строгой старшей сестры двенадцати-тринадцати лет, постоянно делавшей замечания неусидчивому брату. На третьем диване, еле уместившись, сидели три толстяка, иначе и не опишешь. Три толстяка в круглых очках и с аккуратными бородками. Я предположил, что это коллеги – к примеру, врачи или адвокаты, которые решили покататься на лыжах в праздники. Я подсел к молодой парочке. Они тут же, словно по команде, отсели от меня к другому краю дивана. Странные люди. Увидев, что Гнут отошел от стойки регистрации, я помахал Миле. Она махнула в ответ, призывая меня подойти. Через секунду я уже был у стойки.

– Что нового? – поинтересовался я.

– Все плохо! – сообщила раскрасневшаяся, и из-за этого ставшая еще более красивой, Мила. – Округу заметает снегом, поэтому за нашей сменой не приедет автобус, который развозит нас по домам. Дальше – хуже. Полчаса назад у нас все сломалось – не работает интернет, телефон тоже молчит. Мы пытаемся найти причину, Гнут облазил весь отель, но пока безрезультатно. А теперь самое главное. Наша гостья, та, на красном кабриолете...

– Что с ней? Что-то произошло? – спросил я.

– Она исчезла. Вместе со своим кабриолетом. Гнут клянется, что не видел, как кабриолет покидал двор.

– Возможно, он был в отеле в тот момент, когда уезжал кабриолет, – предположил я. – А вещи? Ваша гостья забрала вещи?

– Да, ее номер пуст. Ни ее, ни вещей, ни кабриолета, – развела руками Мила. Она бросила взгляд на диваны с постояльцами, и перешла на шепот. – Ой, я свихнусь сегодня от наших гостей. Та парочка, в спортивных костюмах. Они возомнили себя великими сыщиками. Они вас раскусили, Майк.

– Не понимаю... – Мой голос дрогнул и даже немного осип от волнения.

– Да не переживайте! – Мила рассмеялась. – Это просто смех, что они мне наговорили. Представляете, они подошли сейчас ко мне и сообщили, что увидели в окне, как днем к отелю подкрался лыжник, то есть, вы. А так как они когда-то видели в новостях человека, очень похожего на вас, которого разыскивала полиция...

Ее прервал Тэймор, торжественно пригласивший всех на ужин.

– Расскажу позже. – Мила выскочила из-за стойки. – Пошли на ужин. Мне не терпится узнать, что нам приготовил Тэймор.

По причине малого количества постояльцев, Тэймор накрыл один большой круглый стол, за которым поместились все – и гости, и вся сегодняшняя смена – сам Тэймор, Мила, две горничные и Гнут. Я сидел между Гнутом и одним из трех толстяков. Мила сидела напротив, между Тэймором и одной из горничных. Кажется, я понравился Миле. Она часто бросала на меня взгляды и улыбалась, если наши взгляды встречались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.